

«Надо, господа, дело делать»

Именно эта фраза через несколько дней прозвучит со сцены из уст Олега Табакова.

Если бы ее не написал Чехов, Табаков, наверное, сформулировал бы ее сам...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Российские театральные премии не предусматривают номинацию «пахарь сезона». Пахать в наших театрах по-прежнему не модно. Модно либо творить — в год по чайной ложке, рассуждая о миссионерстве и высокой духовности, либо ляпать премьеры с легкостью необыкновенной — все равно пилл хавает. Но Табакову устав не писан. Он именно пашет, другого глагола не подберешь. Его рабочий стол во МХАТе завален не только книгами и пьесами, как полагается худруку, но еще и бумажками, связанными с его относительно новым, директорским статусом. Сводки, отчеты, таблицы, графики — весь театр в точных цифрах. Кто в прошлом месяце какую зарплату получил (средний актерский заработок за апрель — 20 360 рублей 73 копейки), каков процент посещаемости (средний опять же показатель — 99,5), а также с какого спектакля сколько зрителей ушло, не досидев до финала, и почему (есть проблемы с «Мещанами» и «Белой гвардией» — поздно заканчиваются).

У Табакова и деньги, и публика, и премьеры любят счет. Семь новых спектаклей в текущем сезоне выпущено (из них шесть удачных), еще четыре на подходе. Кроме того, 18 мая на Основной сцене МХАТа сыграет своего «Дядю Ваню» табакровский «подвал», или, по-нашему, «Табакерка». В постановке Миндаугаса Карбаускаса заняты Ольга Барнет, Марина Зудина, Борис Плотников, Дмитрий Назаров, Сергей Беляев и — Табаков в качестве профессора Серебрякова. Это уже вторая его роль за сезон, до того был Флор Федулгч Прибытков в «Последней жертве».

Особенности драматургических образов отражаются на репутации самого Табакова. В последнее время, как никогда часто, ему предъявляют претензии в практицизме, корысто- и властолюбии и общей душевной приземленности. Мол, сидит такой капиталист Прибытков в конторе — золотая цепь поперек живота, сводит дебет с кредитом...

Окончание на стр. 12

ИРИНА КАЛЕДИНА

Интервью номера «Надо, господа, дело делать»

Окончание.
Начало на стр. 1

Весовая категория — центнер

— Олег Павлович, вот в очередной раз ваш коллега, человек именитый и в театральном мире не последний, заявляет в своем интервью: мол, Табаков всего лишь талантливый менеджер. Был Ефремов — молится театру, а этот молится золотому телу... Вам не надоело слушать подобные вещи? Злость не берет?

— Как всякая демагогия, это вопрос полузнания. Олег Николаевич, будучи тяжело больным человеком, молился на театр, и театр разваливался, разваливался и разваливался. Чего тут у коллеги больше — мелочной склонности или желания навести тень на плетень, не знаю...

— В любом случае, полагаю, цель этих людей — не помянуть добрым словом Ефремова, от которого они уходили, с которым враждовали и о котором за спиной отзывались не лучше, чем о вас сегодня. Просто хочется Табакова уколоть.

— Как бегемот — толстокожий и тяжелый. 99 с половиной килограммов не так-то легко скинуть. У меня другая весовая категория — даже с Александром Александровичем Калитиным. Он один из наиболее ценных мною актеров этого поколения, но ко всем прочим его отравлением я отношусь трезво.

— Собственно, мне хотелось поговорить не о Калитине или Дорониной...

— И не надо о них говорить. Мне.

— Правильно: вам не надо, потому что вы в другой весовой категории, мне — поскольку это люди гораздо старше меня, и я на их творчестве, что называется, выросла. Меня другое волнует: я могу понять зависть или, скажем так, болезненное чувство хулигана маленького и бледного театра к хулигану самого крупного и преуспевающего. Но не могу ни понять, ни принять некорректные высказывания в адрес коллег от людей, возглавляющих не только театры, но даже целые театральные союзы.

— Мы все из последних сил пытаемся выдать себя за людей интеллигентных. Кто-то с большим успехом, кто-то с меньшим. Я не устаю повторять: читайте отцов-основателей. Читайте, учитесь, конспектируйте. Не надо попадать все время в глупое положение и наступать на одни и те же грабли. Что бы они на самом деле друг к другу ни испытывали, какие бы там страсти ни кипели — наружу вылискивать не позволялось. Владимир Иванович Немирович-Данченко был абсолютно обделенным человеком, но я сейчас заканчиваю третий том из только что изданного четырехтомника его писем — вот высокий уровень межличностных отношений.

Впрочем, и менее высокий можно пережить. Если кто-то из моих коллег считает, что я недостаточно молюсь Мельпомене, а чересчур усердно молюсь Маммоне, ну и что? Что от этого изменилось?

— Да просто обидно. Врать ведь.

— Знаешь, вслед за крушением советской власти многие мои коллеги шагнули в сторону стриптиза — душевного, духовного, а кто-то и физического. Бога нет — гуляй, Вася.

— Кабы так, а то ведь именно сегодняшний МХАТ обвиняют в забвении духовных ценностей.

— О духовности, наверное, уместно будет говорить после смерти нашей. Или об этом могут говорить ученики. Кстати, ведь у людей, которых ты называешь, у них с деторождением плохо обстоит. Я имею в виду — с учениками. А после меня кое-что останется. В этом я, безусловно, преуспел, и этим горд.

Четыре года я в МХАТе — почему нет ни интриг, ни сплетен, ни склок? Уволил людей, уволенные пришли и сказали: никаких претензий к вам не имеем. Все очень просто: я от интриг не получаю удовольствия. Театр приращает — это явно. У него сменился репертуар. Наиболее любимым мною спектакль Олега Николаевича — «Чайка» — был обновлен благодаря вводу Миронова, Плотникова, Хомякова... Осталась от того времени «Женитьба», остался «Амадей», который всегда кормил театр. Все остальное — новый репертуар. Да еще добавятся репертируемый

Адольфом Шапиро «Вишневый сад», «Песня о Лире» Тадаси Сузуки, «Тартюф» Нины Чусовой, а впоследствии — «Пер Гюнт» Юрия Бутусова. Сейчас уже можно оценивать мою работу во МХАТе хотя бы в категориях «провалил» — «не провалил». И получается — не провалил. А декларировать свою преданность искусству — это же смешно...

— Для вас важно, чтобы вас любили?

— Мне важно, чтобы меня любила Марина Зудина. Меня Антон любит, меня Пашка любит. И если ты придишь как-нибудь на «Амадей», на «Последнюю жертву», помотришь в зал — увидишь, как ОНИ любят...

— А внутри театра?

— Не интересуюсь.

«Мне важно, чтобы меня любила Марина Зудина. Все остальное — не интересует...»

— А среди коллег?

— Ни в коем случае. У меня настолько расходятся с ними суждения — с моими коллегами по театальному миру, причем с юности. Но меня это не смущало. Я всегда был честолюбив, всегда знал, что со своими способностями могу делать нечто большее, нежели произносить слова вслух. К тому же я был благодарен. Я зарабатывал. Мне всегда хватало — на мою жену, на моих детей, на близких и дальних родственников. Я очень земной, в каком-то смысле рутинный человек, для меня это важно.

Еще одно: мне хватало любви, когда я в ней нуждался. Я ведь очень долго взрослел. Меня так любили две бабушки и мама, а потом в «Современнике», пока не пришел Олег Даль, я был младшим, баловнем, шалуном, которому все позволено. Даже показывали Олега Николаевича и этим снижали уровень успеха. А уж казисский или еврейский акцент — так это был несомненный мой репертуар...

— Казахский акцент — это как?

— Казахская сторона, дорогая моя Ленечка Ямпольская...

— Вам нравится вызывать зависть?

— Да. Да-а! Конечно! Я иногда хулиганю, нарочно провоирую. Это же дрянная человеческая, и если они так прачут это дело, — нет, не надо, покажитесь, какие есть.

— А вы сами кому-нибудь завидовали?

— Я всегда завидовал людям, знающим языки, и людям, играющим на скрипке и на фортепиано. И до сих пор завидую. Потому что этого у меня уже точно не будет.

— Мне кажется, в театральной жизни Москвы, точнее, в ее внитратеатральной жизни наступил кризис, который требует разрешения. Не может и дальше все существовать на уровне интриг, сплетен, заговоров, обид, пустого трепя. От этих взаимных подначек, от идиллических баек в идиллических телепрограммах уже тошнит физически...

— Да, да, согласен, согласен... Как ни печально, но Александр Сереевич, которого я собираюсь сыграть в ближайшее время, прав: надо, господа, дело делать. У меня просто нет времени на эту дрянную, на эту суесть... Кстати, мне надо примерить костюм Сереевича...

— Это к вопросу о стриптизе?

— Типа того. Но мы можем продолжать.

— Почему молодые актеры и режиссеры относятся друг к другу гораздо более жестко, чем люди старшего поколения?

— Я могу объяснить, почему: время уходит. Время уходит!!! Из последних сил надо что-то сделать, чтобы, наконец, замести, чтобы опенили, кто же я, Я. Я. Чобы понимали, кого теряют! Оборачивается это неловкостью. Часто — стыдом.

Нехорошо, когда человек рассказывает, кому и каким образом он помогает. Ну зачем? Если действительно помогаешь, если хочешь сделать доброе дело — промолчи. Но при этом сам иногда грешу. Я никогда не ходил в сторону диссидентуры, но когда жена Даниэля просила собрать деньги на сруб — она ехала за мужем, — половину дал. Уже

и Даниэль умер, и многие забыли, кто он такой, и ничего за это сегодня нельзя поиметь... Есть еще одна вещь, которую могу озвучить без ложной скромности: я подарила компьютерный класс своей саратовской школе. Это все к чему? К тому, что нельзя думать, будто на тебе жизнь кончается. Она на тебе не кончается.

— МХАТ и «Табакерка» — театры, в высшей степени лояльные к критике. Таких в Москве можно насчитать еще двести, вряд ли пять. Вы не просеиваете журналистов, ни перед кем не закрываете двери, не возвращаетесь к написанному. Это принципиальная позиция или просто элемент личной культуры, как зубы почистить?

— Те глупости, те смешные и нелепые вещи, которые про других рассказывают в этом отношении, — стыдно... Не допущу.

— У нас сейчас плохая критика?

— Не-е-ет. Ну почему? Я все равно выделяю людей, которые непосредственно удивляются таланту других. Значит, уже благополучно. Когда начинается тенденция, она сразу читывается. «Против кого дружим?» случилось и с самыми уважаемыми критиками в былые времена. И не только с критиками. Это нехорошо, это всегда нехорошо. Но, если, скажем, Олег Николаевич Ефремов в свое время не подписал письмо к Гришину против закрытия «подвала», я что, сниму его портрет со стены или любить его меньше стану? Каптанка ведь сорвалась с арены и побежала к плотничному сыну. Она что, не помнила, как у нее коусь мяса из желудка вынимали? Любовь — это природа, против нее не попрешь.

— Не-е-ет. Ну почему? Я все равно выделяю людей, которые непосредственно удивляются таланту других. Значит, уже благополучно. Когда начинается тенденция, она сразу читывается. «Против кого дружим?» случилось и с самыми уважаемыми критиками в былые времена. И не только с критиками. Это нехорошо, это всегда нехорошо. Но, если, скажем, Олег Николаевич Ефремов в свое время не подписал письмо к Гришину против закрытия «подвала», я что, сниму его портрет со стены или любить его меньше стану? Каптанка ведь сорвалась с арены и побежала к плотничному сыну. Она что, не помнила, как у нее коусь мяса из желудка вынимали? Любовь — это природа, против нее не попрешь.

— То есть, грубо говоря, еще один контрактный срок.

— Да, не больше. И, конечно, надо думать о преемнике. Вообще о преемниках думать не от хорошей жизни. Скамейка запасных пуста.

— И все это время вы, как и прежде, собираетесь руководить двумя театрами?

— Да.

— Но «Табакерка» явно не хватается вашего внимания. Может, лучше ее отложить?

— Я сыграл во МХАТе Тартюфа и больше здесь брать роли не буду. Сразу высвободится время. Мне надо поставить на крыльцо Школу для одаренных детей и могу вплотную заняться «подвалом».

— Что за школа?

— Да ничего оригинального. Анализ императорского Тенишевского училища. Два последних класса — десятый и одиннадцатый. На базе общепития «Табакерки» будет отстроено очень красивое здание.

— Это то, чем вы когда-то занимались во Дворце пионеров на Стопани? Потом из ваших ребят сложился гитисовский курс, и на его основе — первая «Табакерка»...

— Да, да. Это, по сути дела, селекция. Жесткий, строгий отбор наиболее серьезных дарований — для себя. И тогда вот этот «холдинг» — МХАТ, Школа-студия, Музей, «подвал» и Школа для одаренных детей — это все зарабатывает.

— Вы действительно на редкость успешны в учениках. У вас есть какой-то педагогический секрет?

— Я их учил для себя, только и всего. Это меня по-

настоящему интересовало и заставляло дрейфовать по жизни не в сторону актеркинотерапии, а в сторону человека, который может о других хотя бы на треть так же хорошо заботиться, как он заботится о себе.

К сожалению, процент брака в нашем деле очень велик. Мы привыкаем к ним, начинаем радоваться, когда человек средних способностей делает что-то чуть выше среднего, соглашаемся с этим, а потом уже любим настолько, что и другим говорим: ах, ах... А все должно быть очень жестко.

— Чем ваши сегодняшние ученики отличаются от тех, первых?

— Я с удовлетворением вижу, что они с годами не хужают — и по части владения ремеслом, и по части оснащенности. А чем отличаются... Первая студия ставила на карту жизнь. И вторая — в меньшей степени. А дальше уже приходили в дело наготове.

— Вам не кажется, что вы слишком авансируете молодых актеров? Им все сегодня дается необыкновенно рано — сцена МХАТа, большие роли... Откуда такое доверие к молодым?

— Моет быть, Лен, может быть... Только я так тебе скажу: я не хочу комментировать спектакли, которые я видел, но когда снится мне что-то

двести — это настоящий зал. Пока у нас зрители редко-редко вырываются на свободу душевного порыва. Они слержаны, скрепленные обрубком подвала. Поднимем потолок, сделаем балкончик. Ремонт начнется поздней осенью.

— Почему не удалось начать раньше?

— Жилы были против. Когда мы там рождались, на улице Чапыгина, в этом доме жили остатки старых большевиков и люди умственного труда. А сегодня там живут новые русские. Театр этот им не нужен. Более того, они пытались врать — что пьют, что бунят, спать не дают... Наворот неуксусной лжи. Но все это согласительной комиссией удалось преодолеть.

— В июне будет четыре года, как вы возглавили МХАТ. Отрадно, что вы мне сказали: «Отработано контракт и вернусь в «подвал». До истечения контракта остался год. Ваши намерения не изменились?

— По размышлении зрелом — что мне удалось сделать? Удалось вычистить, отремонтировать, прибрать, создать нормальные условия для работы. Построить Новую сцену. Вернуть зрителя. Собрать новый репертуар. Но — не удалось сформировать труппу. Для этого, думаю, если буду здоров, нужно еще года четыре.

— То есть, грубо говоря, еще один контрактный срок.

— Да, не больше. И, конечно, надо думать о преемнике. Вообще о преемниках думать не от хорошей жизни. Скамейка запасных пуста.

— И все это время вы, как и прежде, собираетесь руководить двумя театрами?

— Да.

— Но «Табакерка» явно не хватается вашего внимания. Может, лучше ее отложить?

— Я сыграл во МХАТе Тартюфа и больше здесь брать роли не буду. Сразу высвободится время. Мне надо поставить на крыльцо Школу для одаренных детей и могу вплотную заняться «подвалом».

— Что за школа?

— Да ничего оригинального. Анализ императорского Тенишевского училища. Два последних класса — десятый и одиннадцатый. На базе общепития «Табакерки» будет отстроено очень красивое здание.

— Это то, чем вы когда-то занимались во Дворце пионеров на Стопани? Потом из ваших ребят сложился гитисовский курс, и на его основе — первая «Табакерка»...

— Да, да. Это, по сути дела, селекция. Жесткий, строгий отбор наиболее серьезных дарований — для себя. И тогда вот этот «холдинг» — МХАТ, Школа-студия, Музей, «подвал» и Школа для одаренных детей — это все зарабатывает.

— Вы действительно на редкость успешны в учениках. У вас есть какой-то педагогический секрет?

— Я их учил для себя, только и всего. Это меня по-

настоящему интересовало и заставляло дрейфовать по жизни не в сторону актеркинотерапии, а в сторону человека, который может о других хотя бы на треть так же хорошо заботиться, как он заботится о себе.

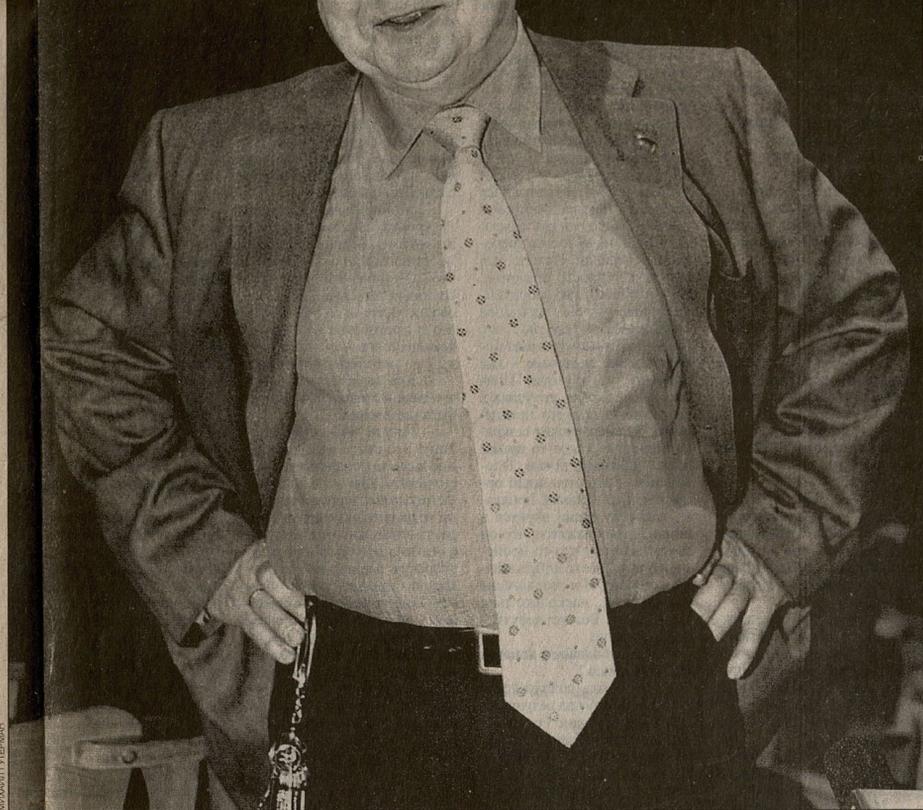
К сожалению, процент брака в нашем деле очень велик. Мы привыкаем к ним, начинаем радоваться, когда человек средних способностей делает что-то чуть выше среднего, соглашаемся с этим, а потом уже любим настолько, что и другим говорим: ах, ах... А все должно быть очень жестко.

— Чем ваши сегодняшние ученики отличаются от тех, первых?

— Я с удовлетворением вижу, что они с годами не хужают — и по части владения ремеслом, и по части оснащенности. А чем отличаются... Первая студия ставила на карту жизнь. И вторая — в меньшей степени. А дальше уже приходили в дело наготове.

— Вам не кажется, что вы слишком авансируете молодых актеров? Им все сегодня дается необыкновенно рано — сцена МХАТа, большие роли... Откуда такое доверие к молодым?

— Моет быть, Лен, может быть... Только я так тебе скажу: я не хочу комментировать спектакли, которые я видел, но когда снится мне что-то

МИХАИЛ ГИЕВАН

— Но ведь бывает, что вы ошибаетесь в своих замерах.

— Бывает, что они сами выбирают ложный путь — ринутся в кино, на телевидение и эту петлю на собственной шее захлестнут. Им надо думать, расти, мучиться, душу свою наполнять. Иногда ролевые роли, иногда еще кто-то сбивают их с толку, обманывают фактически. И люди начинают стричь купоны, когда стричь-то еще не с чего.

Только двое выдерживают график бега между кино и театром — это Миронов и Безруков.

— Вы считаете, Безруков выдерживает?

— Я сейчас говорю не о его репертуаре. Но Безруков, так же как и Жена, стайер. И абсолютный честный профессионал. Он приходит и играет все, что у него есть сегодня за душой. Тут очень важен размер дарования. Если дарования велико, то червь сомнений грызет постоянно и не позволяет ни сползнуться, ни остановиться.

— Чехов, Мольер и Ходорковский

— В нынешнем сезоне МХАТ совершил творческий прорыв. Это переход количества вложенной энергии в новое качество?

— Конечно, конечно. Нужно время, чтобы сгудить таких режиссеров: Еремин, Женовач, Серебренников, Таласи Сузуки, Чусова... И таких авторов: Островский, Булгаков, Горький, Чехов, Мольер, Шекспир...

— Олег Павлович, вам не надоел Хехов?

— Чехов не надоел? — Я понимаю, о чем ты говоришь «Дядю Ваню», и тебе скучно не будет. Я очень надеюсь, что нетерпимый расказ Карбаускиса многое скажет о этой истории. Пьеса становится в житейском смысле понятнее. Понятнее и горше. Зритель будет следить за двумя здоровыми, сильными, любящими людьми, у которых — ну не получилось, не сложилось. Их будут жалеть. Сам дядя Ваня по сегодняшним временам не главный герой. Хотя у Плотникова есть что-то такое в лице, просветленное... Я смотрю и думаю — это «Восхождение» Шепитко...

— По-моему, интереснее было бы, если бы дядю Ваню сыграл Назаров. Представляете, зверь в клетке...

— У-у... Это надо соответственно обставить.

— Как зритель вы легко воспринимаете чеховские пьесы?

— Я ходил на спектакль Някрошуса. Специально ездил в Ригу смотреть «Чайку» Петра Штайна.

— Да, я ее видела в Москве, она недавно приехала. Так вот, та же «Чайка» у вас всеми своими костями в горле не застреивает?

— Моет быть, Лен, может быть... Только я так тебе скажу: я не хочу комментировать спектакли, которые я видел, но когда снится мне что-то

такое совершенное, вроде деторождения, я вспоминаю спектакль Немировича «Три сестры». Я помню, как Борис Николаевич Ливанов говорил: «Он ахнул не успел, как на него медведь напал». Как Алла Константиновна Тарасова, уже выплывающаяся из платья 58-го размера, говорила: «Трам-там-там»... И Болдунан ей отвечал...

— Вы хотите сказать, что межгосударственные соглашения на сей счет уже есть?

— Ничего, друзья мои дадут полмиллиона, и так съездим.

— Почему вы не подержали коллег, которые хотели спасти театры от казначейства? Это — от государственного контроля за расхождением спонсорских средств.

— Я думаю, это обречено. Даже для «подвала», то есть театра муниципального, я на этой борьбе ставлю крест. Все равно успеют только те театры, которые научатся зарабатывать.

— У МХАТа много спонсорских денег?

— Да, немало.

— Сопоставим с бюджетными дотациями?

— Нет, сейчас нет. Когда давал ЮКОС, тогда было сопоставимо. Бюджет давал 70 миллионов рублей, а ЮКОС — 35. Гастроли в Новосибирске профинансировали два моих друга. Благодаря этому у нас были нормальные цены, и люди не богатые, так называемые «бюджетники», могли нас посмотреть. На два чеховских спектакля, как ты, наверное, знаешь, деньги дает Михаил Куснерович, потому что они ставятся в рамках «Черешневого леса».

— Как быстро окупаются сегодня мхатовские премьеры?

— Я начал с того, что спектакль в 360 тысяч долларов «Кабала святош» с большими и ошибочными тратами на сценографию окупил себя за три и семь месяцев. А «Последняя жертва» стоила раза в два с половиной меньше и окупилась за четыре месяца. Это свидетельство углубления репертуара, его востребованности. Хотя «Кабала» зрительски тоже очень востребована. Там есть особый фокус: во-первых, это спектакль про театр, а в театре разбираются все. Только в футболе мы разбираемся лучше, чем в театре. Во-вторых, почти вся-вась с такой фигурой, как Мольер, и он такой же, как мы, и у него девочка, и в беду он попадает: не женился на молодых... И когда он возносится на небо, зрители плачут трогательно так...

— Что вы делаете, чтобы зал МХАТа все-таки выглядел демократично? Не как престижное место для обеспеченной публики.

— Есть проблема, которая пока не решается, и я может быть, даже приведу в администрацию специального человека — это работа со студентами. Я думаю начать год назад, но ни хрена не сделала. Вообще, как только я говорю: давайте выведем в вуз, называются сразу все реальные и нереальные причины,

по которым это нежелательно. А это неверно. Надо в МИФИ выезжать, в Бауманский, в МАИ, в Социальный университет. Надо молодежи привычки делать, и они пойдут сюда.

— Почему вы к ним, а не они к вам?

— Потому что тогда ничего не будет, кроме спекуляций билетами. «Подвал», между прочим, всерьез начал культуртреггерскую программу. Подмосковье в этом году получило свои сорок спектаклей. Полноценных, с декорациями. Это заслуга Бориса Громова. В Дубне я вышел — играть не давали минуты полторы. Я могу понять гостеприимство, доброе отношение к старику, но там было еще: вы вспомнили о нас! Это дорогого стоит.

«Где тетрадка с телефонами моих друзей Вычеркните оттуда Никиту!..»

— Что означало ваше загадочное интервью, данное 14 марта перед избирательной урной? Мол, рассчитываю прожить ближайшие четыре года и потому пришел голосовать...

— Я очень трезво все оцениваю и, к сожалению, не вижу альтернативы нашему президенту.

— Иными словами, вы отдали свой голос Путину.

— Да. Я ведь государственной службе, и не надо мне придумывать и кокетничать. Не к лицу и не по летам.

— Моги бы вообще манкировать выборами.

— Не мог. Это недопустимо. — Я не ходила.

— Ничего, женщина прощается.

— А Марина голосовала?

— Да. Понимаешь, тут дело серьезное. Об этом, может быть, когда-нибудь поговорим. Не договорившись между собой СПС и «Яблоко» — это драма. Как же можно было додуматься до такого? Только народились, еще ноги развешаются, а вы уже делите шапку — вам подзвонки надо мнить регулярно.

— Вы сочувствуете Холорковскому?

— Сочувствую. Конечно. Логотип ЮКОСа с мхатовского происхождения человека, меня мама научила говорить «спасибо». Мне через год семьдесят, и наверняка дадут премию «За честь и достоинство» на каком-нибудь фестивале. А честь и достоинство — они или есть, или их нет. Это не инсценируешь.